

СУБНАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕГИОНЫ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)

Р.Ф. Туровский

Ключевые слова: регион, международные отношения, сети, трансграничное взаимодействие.

Мировое политическое пространство принято представлять в виде глобальной системы, состоящей из государств, а также их более или менее устойчивых блоков. Для более точного анализа необходимо уделять больше внимания внутренней региональной структуре каждого государства, его региональным размежеваниям. Эти размежевания означают серьезные различия между политическими интересами региональных и локальных сообществ, которые могут быть связаны с разным отношением к внешнему миру, другим государствам и вопросам внешней политики своего государства. Кроме того, сложность внутренней региональной структуры может превращать отдельные территории в объекты интереса со стороны других государств. Таким образом, было бы недостаточным рассматривать государство как единственного актора в международных отношениях. Государство представляет собой политическое сообщество определенного уровня, который можно назвать национальным уровнем. Но государство при всей его важности – это не единственный тип и уровень территориального политического сообщества. Оно является частью формирующейся глобальной системы, а для нашего исследования важно то, что внутри государства можно определить региональный и локальный уровни политических сообществ, обладающих своими интересами и автономией. На каждом территориальном уровне в результате развития социальных коммуникаций происходит выработка общих политических интересов, которые могут влиять, пусть и в небольшой степени, на внешнюю политику государства и глобальные процессы. Проблема в том, что при формировании общенациональной политики в условиях разнородного государства возникает разрыв между этой политикой и частью региональных интересов, которые в эту политику не интегрированы.

Важным дополнительным фактором, влияющим на модель внешней политики, является баланс “центр – регионы” [Туровский 2006]. Российская практика характеризуется отсутствием устойчивой модели такого баланса в условиях социально-территориального многообразия, когда на разных исторических этапах властвующие элиты делали выбор в пользу то централизации, то децентрализации, и ситуация характеризовалась постоянными колебаниями маятника. В современных условиях сохраняется противоречие между моделями централизованной империи и федерации, которой Россия является де-юре.

Федерализм, однако, означает другой смысл государственной политики. Федеративные отношения предполагают наличие во всех 83 регионах России государственной власти, пользующейся своей автономией и определенным

ТУРОВСКИЙ Ростислав Феликсович, доктор политических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова, профессор факультета прикладной политологии ГУ–ВШЭ, вице-президент РАПН. Для связи с автором: rft777@mail.ru

институционализированным влиянием на центр. Причем среди российских регионов особые интересы имеет 21 республика, регионы, созданные по этническому принципу, в которых доминируют различные группы, в том числе и полностью равнодушные или отрицательно относящиеся к идеям империи, панславизма и панортодоксии. Модель централизованной империи или иной формы унитарного государства сейчас многим представляется более привлекательной, чем модель федерализма в связи с централизацией власти и снижением политического влияния регионов на общенациональном уровне. Но федерализм в России все же не отменен, и соответствующая модель вряд ли может быть полностью отвергнута.

Административная модель

Административная модель регионального участия в глобальных процессах и внешней политике основана на деятельности институциональных групп интересов в лице бюрократических элит, действующих преимущественно в рамках своих формальных полномочий.

Определимся, в каких пределах возможна региональная внешняя политика согласно российскому законодательству. В соответствии с конституцией в ведении федерального центра находятся внешняя политика и международные отношения, заключение международных договоров, внешнеэкономические отношения, определение статуса и защита государственной границы, территориального моря, воздушного пространства, исключительной экономической зоны и континентального шельфа. Федеральный центр ведает вопросами обороны и безопасности, войны и мира, оборонного производства, продажи и покупки оружия и т.п. К сфере совместного ведения отнесены частные вопросы внешней политики, которые могут затрагивать интересы регионов. Это — координация международных и внешнеэкономических связей субъектов федерации (т.е. вспомогательные полномочия, такие как содействие центру, продвижение интересов регионального бизнеса за рубежом и привлечение в регионы иностранных инвестиций), выполнение международных договоров (если они затрагивают регионы) и режим пограничных зон (но фактически эта компетенция централизована, см. ниже). Исключительных полномочий в сфере внешней политики российские регионы не имеют, что неудивительно и нормально.

Формальные полномочия административных регионов ограничены и носят вспомогательный характер. Их ярко характеризует распространенная практика включения губернаторов в состав официальных делегаций. В 2003 г. губернаторское участие во внешней политике было впервые институционализировано с созданием Совета глав субъектов РФ при МИД, который малозаметен и пассивен.

Практика централизации 2000-х годов привела к дальнейшей трансформации административной модели. В условиях централизации территория заинтересованного, например, приграничного региона используется для межгосударственных встреч по формуле “государство + государство”, без непосредственного и самостоятельного участия региональной власти в этом процессе. Примерами служат встречи президента России с президентом Казахстана в Челябинске и Омске, с премьер-министрами Японии в Красноярске и на Сахалине и т.д.

Интересным образцом административной модели, вытекающей из моноцентризма политических режимов России и большинства стран СНГ, стало приграничное сотрудничество России с авторитарным Казахстаном. С 2003 г. оно институционализировано в виде ежегодного Форума руководителей (sic!) приграничных регионов, который проходит то в России, то в Казахстане (нередко при участии президентов двух стран, решающих там свои вопросы).

Административная модель участия регионов во внешней политике не получила повсеместного развития, что связано с внутрirosсийскими региональными размежеваниями. Группа заинтересованных регионов и элит формируется двумя способами. Во-первых, за счет приграничных регионов, где как элиты, так и простые граждане заинтересованы в развитии отношений с соседями. Во-вторых, за счет раскола “центр — периферия” в его социально-экономическом измерении, который обуславливает активность сильных, богатых регионов, в большей мере вовлеченных в глобальные процессы (через расположенный там бизнес, гуманитарные связи, туризм и пр.).

Практика трансграничного взаимодействия региональных и местных властей без участия федерального центра возможна по формулам “регион + регион” и “местное правительство + местное правительство”.

Наиболее активно подобная практика могла бы развиваться в рамках приграничного сотрудничества. В России это сотрудничество имеет пока очень ограниченный характер. Формальный прогресс, связанный с созданием законодательной базы, сочетается с недостаточной активностью и регионов, и центра. С января 2003 г. в Российской Федерации принята Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей. В тот момент региональные власти получили возможность заявить о своих интересах: 22 января 2003 г. концепция приграничного сотрудничества обсуждалась и была поддержана на заседании Госсовета, совещательного органа, в состав которого входят президент и все губернаторы. Однако Россия до сих пор не сделала следующий шаг и не приняла закон о приграничном сотрудничестве (он внесен в Госдуму еще в 2004 г., но не был принят). Отсутствие закона, тем не менее, не запрещает регионам и муниципалитетам участвовать в работе еврорегионов, которые с 1990-х годов являются главной институционализированной формой приграничного сотрудничества. В этой работе задействованы как целые регионы, так и муниципальные образования. Еврорегионы с российским участием входят в Ассоциацию европейских приграничных регионов.

Наибольший интерес к вхождению в еврорегионы характерен для уникальной территории — Калининградской области, представляющей собой эксклав, отделенный от основной территории России территорией Литвы, граничащий также с Польшей, т.е. со странами, входящими теперь в ЕС. Калининградская область благодаря своему эксклавному геополитическому положению являет собою пример региона, в отношении которого внешняя и региональная политика неотделимы друг от друга. Еврорегионы с участием Калининградской области возникли первыми, еще в 1990-е годы. В их числе: еврорегион “Неман”, объединивший в 1997 г. пять районов Калининградской области, регионы Польши, Литвы и Белоруссии; еврорегион “Балтика”, возникший в 1998 г. как Ассоциация муниципальных образований Калининградской области, районы Польши, Литвы, Латвии, Швеции и Дании; еврорегион “Сауле”, в который с

1999 г. вошли три территории Калининградской области, районы Литвы, Латвии и Швеции; наконец, еврорегион “Шешупе” — четыре района Калининградской области, районы Литвы, Польши и Швеции. Достаточно большую историю участия в еврорегиональных структурах имеет и республика Карелия, исторически и этнически связанная с соседней Финляндией (еврорегион “Карелия” создан в 1998 г. и включает ряд регионов Финляндии).

В 2000-х годах процесс формирования еврорегионов продолжился и затронул еще ряд территорий. На границе со странами Балтии еврорегион “Псков — Ливония” в 2004 г. включил пять районов Псковской области, несколько районов Латвии и Эстонии. Впервые появились еврорегионы на границе с Украиной и Белоруссией, что особенно важно, т.к. эти страны не входят и в ближайшие годы не войдут в ЕС, и интеграция происходит в рамках СНГ (т.е. СНГ укрепляется за счет еврорегиональной активности). Еврорегион “Днепр” в 2003 г. включил Брянскую, Гомельскую и Черниговскую области. В том же году еврорегион “Слобожанщина” объединил Белгородскую и Харьковскую области. В 2006 г. появился еврорегион “Ярославна” (Курская и Сумская области).

Отдельно на западной границе России следует отметить Баренцев/Евроарктический регион, совет которого учрежден в 1993 г. Главным инициатором интеграции является Норвегия, там была подписана Киркенесская декларация, давшая старт интеграции, в Киркенесе находится и Баренц-секретариат. С российской стороны главным партнером выступает Мурманская область, в совет также входят Карелия, не имеющие выхода к границе Архангельская область, Ненецкий АО и с 2002 г. Республика Коми (в работе участвуют северные регионы Норвегии, Швеции и Финляндии).

Наличие институциональной инфраструктуры еврорегионов играет важную роль, позволяя регионам и муниципалитетам участвовать в международных отношениях. Вместе с тем, потенциал еврорегионов используется в очень небольшой степени. Преобладает административная модель, когда субъектами международных отношений являются бюрократические элиты регионального и местного уровня, а результатом их деятельности служат декларации, протокольные мероприятия и инициативы, реализовать которые зачастую могут только государства. В условиях централизации центр не поощряет самостоятельность регионов, а задействованные в работе еврорегионов муниципалитеты вообще не обладают никакими полномочиями в сфере внешней политики. Итогом становится формальная, имитационная трансграничная интеграция, углублению которой препятствует отсутствие единой политики. Кроме того, интеграция на западных границах России осложняется напряженностью на уровне “государство — государство”, в особенности с Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей, временами — с Украиной. Приграничное сотрудничество выполняет позитивную роль, сглаживая эту напряженность на местном уровне, но не может полноценно развиваться без активной поддержки Москвы. Центр же ориентирован на отношения в формате “государство + государство”, тормозящие приграничное сотрудничество.

Приграничное сотрудничество в режиме “регион + регион” и “муниципалитет + муниципалитет” отличается хорошо выраженным западно-восточным градиентом, отчасти отражая географический раскол “центр — периферия”. Заимствование “готовых” европейских интеграционных форм

после распада СССР обусловило участие территорий на западных границах России в трансграничных структурах с европейскими странами и граничащими с ЕС странами СНГ (Украина, Белоруссия). Лидером стала Калининградская область, для которой приграничное сотрудничество является вопросом выживания. В то же время ряд крупных регионов даже на западных границах России вообще не включены в еврорегионы. Это и ключевые регионы Северо-Запада — Петербург и окружающая его Ленинградская область (через которую идет основной грузооборот с Финляндией и значительная часть грузооборота с Европой в целом), и Воронежская и Ростовская области на границах с Украиной, и Смоленская область на границе с Белоруссией (через которую идет основной поток грузооборота с Европой). Парадокс в том, что самые крупные центры, расположенные вблизи границы, не проявляют интереса к институционализации приграничного сотрудничества. Это подчеркивает второстепенность еврорегионов в условиях централизации и отсутствия государственной политики в отношении приграничных регионов.

При движении с Запада на Восток институциональная инфраструктура приграничного сотрудничества вообще сходит на нет. На Кавказе в отношении с Грузией и Азербайджаном она отсутствует, что можно объяснить затяжными конфликтами в регионе Кавказа. Формат единственной интеграционной структуры совершенно иной: межрегиональная ассоциация “Северный Кавказ” (одна из семи подобных ассоциаций в России) — единственная включает в свой состав иностранные регионы в качестве ассоциированных членов. Это — Луганская область Украины, Абхазия и Южная Осетия, но никак не регионы Грузии и Азербайджана, подконтрольные центральным правительствам. Далее, на границе с Казахстаном, отношения с которым складываются достаточно хорошо, действует авторитарная административная модель интеграции в виде Форума губернаторов. В Сибири и на Дальнем Востоке, где Россия граничит с Монголией, Китаем, КНДР, по морю — с Японией и США, административная модель практически не действует, кроме поездок делегатов и еще советской практики городов-побратимов. Единственным альтернативным примером служит совет “Наш общий дом — Алтай”, включающий регионы России, Казахстана, Монголии и Китая, расположенные в районе Алтайских гор.

Сдерживание или невнимание к участию регионов и муниципалитетов в приграничном сотрудничестве типично для этатистской внешней политики, признающей административное взаимодействие территорий при обязательном контроле центра. Важную роль в развитии этой модели сыграла трансформация властной элиты в 2000-е годы, когда выросло влияние ФСБ, в структуру которой вернулась пограничная служба. Интересы ФСБ были удовлетворены в большей степени, чем интересы местных сообществ. Ярким примером стала ситуация с пограничной зоной, режим которой формально находится в совместном ведении центра и регионов. Изменение закона о государственной границе в 2004 г. дало ФСБ право без согласования с регионами своим приказом определять пограничную зону и ее режим, из закона изъято ограничение, согласно которому ширина пограничной зоны не могла превышать 5 км (в результате пограничная зона в ряде регионов достигает 60 км). Впрочем, режим пограничной зоны не носит жесткого характера, и отсутствие пропуска (которое выдает региональное управление ФСБ) наказывается

небольшим штрафом, а проверки редки. Тем не менее, очевидна тенденция — отношение государства к пограничной зоне, как к территории, где вводятся ограничения на свободу передвижения, а не к зоне сотрудничества. Тенденцию отразил и новый закон о местном самоуправлении (МСУ), принятый в 2003 г. Этот закон предусматривает особый порядок организации местного управления в приграничных территориях, по сути подразумевая ограничения местных свобод. Однако дальнейшего движения в эту сторону не произошло, поскольку для определения особого порядка МСУ в пограничье требовался специальный закон, который до сих пор не разработан.

Тем не менее, говоря на языке российской теоретической географии, в соответствии с функциональной классификацией границ [Географические... 1982] российские внешние границы по-прежнему выполняют барьерную и фильтрующую функции, а контактная функция не получила того развития, которое предполагалось после распада СССР. Классификация границ по их режиму будет различаться для разных участков границы. В случае Белоруссии границу можно признать интеграционной, в случае Украины и Казахстана — соединяющей, в остальных случаях она является полупроницаемой (в сопоставлении с СССР нет хотя бы четвертого типа — отчуждающей границы).

Наряду с приграничным сотрудничеством некоторое развитие административная модель получила в форме внешней политики регионов. Все российские регионы имеют право заключать соглашения о торгово-экономическом и культурном сотрудничестве с регионами других стран. Но важен неформальный статус регионов. В России проявился раскол “центр — периферия”, в соответствии с которым наиболее мощные ресурсы сосредоточены в столичных регионах. Наиболее разработанной внешней политикой обладает столица Москва — в лице ее городских властей. Наличие финансово-экономических ресурсов, устойчивая вплоть до самого последнего времени и амбициозная власть, развитые транспортные связи способствовали ее формированию. Определяющая роль элит и клиентских сетей обусловила доминирование клиентелистского типа административной модели, когда внешняя политика в значительной мере сводится к деятельности трансграничных клиентел, включающих политические и деловые элиты Москвы и бывших республик СССР.

Официально внешняя политика Москвы замаскирована под вид региональной и национальной политики, ею занимается комитет межрегиональных связей и национальной политики московского правительства. Интересно, что формат этой политики допускает и отношения типа “регион + государство” — в единственном случае Белоруссии (связи с органами государственной власти Белоруссии в официальном положении об указанном выше комитете входят в число межрегиональных связей). Фактически прежние власти Москвы в силу их идеологической ориентации с 1990-х годов стремились компенсировать пробел общенациональной прозападной политики, когда мэр Ю. Лужков стал ключевой политической фигурой, выступавшей в поддержку пророссийских территорий СНГ и налаживавшей отношения с властями Белоруссии, Крыма, Абхазии, Аджарии. В политическую программу Лужкова входила поддержка русских диаспор в других странах, включая страны Балтии, где они подвергались дискриминации. Еще одним каналом вмешательства стала помощь российским воинским частям за рубежом, в первую очередь — Черноморскому флоту, бази-

рующемуся в Севастополе. Другим мощным стимулом для формирования московской внешней политики стало наличие в столице влиятельных этнических диаспор, занимающих важные экономические ниши и тесно сотрудничающих с городскими властями (прежде всего — из Грузии и Азербайджана).

СЕТЕВАЯ МОДЕЛЬ

Итак, административная модель регионального участия в глобальных процессах ограничена законодательством и централизацией российского федеративного государства и развивалась в слабых формах приграничного сотрудничества и попыток столичного региона проводить автономную внешнюю политику. В этих условиях перспективной представляется сетевая модель регионального участия в глобальных процессах, напрямую, без посредничества государства связывающая друг с другом региональные и локальные сообщества в России и других странах. Стимулом для формирования сетей могут быть потребности во внутри- и межэтнической коммуникации, географическая близость, бизнес-отношения. Соответственно, развитие этнических, конфессиональных, гуманитарных и экономических связей обуславливает формирование интереса к участию в глобальных процессах, преодолевая препятствующие свободе этих связей границы. Интерес к трансграничным связям для государственной политики может выражаться в таких формах как стремление к интеграции с государством, где проживают участники сети, как давление на это государство, если им нужна защита, как внимание к собственным меньшинствам, чтобы не допустить попыток вмешательства со стороны другого государства.

Субъектами данной модели выступают группы интересов, как неассоциативные, так и ассоциативные. В последнем случае лучше организованных групп главными примерами становятся этнические, религиозные и другие социальные организации, бизнес-группы и пр., базирующиеся на основе региональных и локальных сообществ. Сами эти сообщества, являясь неассоциативными группами интересов, тоже могут быть задействованы в глобальных процессах, но в более хаотичных формах. Реальная активность участия сообществ в трансграничных взаимодействиях зависит от региональных размежеваний, определяющих степень и характер интереса, а в некоторых случаях и конфликты между противостоящими интересами разных сообществ.

Формат еврорегионов, о котором говорилось выше, благоприятен не только для административной, но и для сетевой модели. Фактически еврорегионы и Совет Баренцева/Евроарктического региона работают в режиме НПО, предоставляющих гранты для реализации общественно значимых проектов. Такая деятельность способствует формированию сетей из социальных активистов разных стран, совместно решающих определенную задачу. Но особый интерес представляют трансграничные сети, связанные с этноконфессиональной структурой российского пространства и важным размежеванием “русское ядро — этническая периферия”.

Конфессиональные сети

Большое внимание привлекают конфессиональные сети и, конечно, исламская сеть. Интересы исламских сообществ в России определяют развитие исламского вектора в официальной российской политике. В Российской

Федерации в семи регионах мусульмане составляют большинство населения (Дагестан, Чечня, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия на Кавказе, Татарстан и Башкирия в Поволжье). Субъекты исламских сетей различны — часть властной элиты республик, официальные духовные управления мусульман, общественные религиозные объединения, антисистемные и террористические группы. За рубежом их интересы в наибольшей мере связаны со странами арабского мира, а также с Турцией.

Для российских регионов включенность в исламские сети характерна для трех наиболее традиционалистских республик в восточной части Северного Кавказа — Дагестана, Чечни и Ингушетии. Местные сообщества наиболее активно участвуют в хадже в Мекку. По статистике большинство российских паломников составляют жители Дагестана, самой большой по числу жителей мусульманской северокавказской республики (в отдельные годы дагестанцы составляли подавляющее большинство). В этих республиках отмечается наиболее существенное влияние ислама на политику и элиты. Региональные политические режимы имеют традиционалистские черты (легитимация власти через апелляцию к исламу особенно характерна для чеченского лидера Р.Кадырова, выходца из семьи религиозных деятелей, сына бывшего муфтия Чечни), в среде духовенства распространены идеи исламского государства (особенно в Дагестане, самом исламизированном регионе России).

Структурная сложность и внутренние расколы исламского сообщества влекут за собой формирование сетей, в которых задействованы участники определенных религиозных общин. Наиболее распространенной формой активного ислама в республиках Северного Кавказа, особенно в Дагестане, Чечне и Ингушетии является суфизм, исторически организованный в виде замкнутых общин — тарикатов. В Чечне тарикат Кадирийя в настоящее время фактически находится у власти, потеснив другой влиятельный на Кавказе тарикат Накшбанди. Суфийское движение также имеет международный характер.

В постсоветский период наблюдается активное проникновение в Россию “чистого ислама” в форме так наз. ваххабизма, являющегося официальной формой ислама в Саудовской Аравии. Небольшие ваххабитские общины объединили наиболее радикальных и антироссийски настроенных исламистов, часть которых принимала участие в террористической деятельности (в связи с чем ваххабизм стал приравняться к терроризму). Их влияние было наивысшим в период существования сепаратистского режима в Чечне, где ваххабиты пользовались политическим влиянием. В Дагестане на территории Кадарской зоны в августе 1998 г. ваххабитами была объявлена “отдельная исламская территория”, просуществовавшая до ликвидации ее федеральными войсками в сентябре 1999 г. (с тех пор ваххабизм официально запрещен в Дагестане). В период развития сепаратистского движения с центром в Чечне заметным фактором стал приток боевиков из арабских стран, которые участвовали в войне вместе с чеченцами.

Однако участие российских мусульман в закрытых и радикальных исламских группах не получило большого развития, соответствующие группы невелики и разбросаны по многим регионам страны. Подобные формы участия в 2000-е годы стали жестко подавляться российскими властями. Ключевую роль в этом процессе сыграла ФСБ, выявлявшая подобные группы, участни-

ки которых впоследствии предавались суду. В 2003 г. было важное решение Верховного Суда, запретившего в России деятельность ряда исламских организаций, признанных террористическими (“Братья-мусульмане”, “Хизб-ут-Тахрир” и др.). Впрочем, о каком-либо массовом участии российских мусульман в этих организациях вряд ли можно было говорить и до этого решения.

Второй, но гораздо менее крупной системой конфессиональных сетей является буддистская (ламаистская) сеть. Буддисты составляют большинство в двух республиках — Калмыкии и Туве и являются крупным меньшинством в Бурятии (главном центре российского буддизма). Интересы этих региональных групп связаны с развитием отношений с Монголией, особым отношением к тибетской проблеме и щекотливой теме визитов в Россию далай-ламы. Впервые далай-лама побывал в России сразу после распада СССР в 1992 г. Затем российские власти, считая приоритетом отношения с Китаем, очень сдержанно относились к повторному визиту. В 2004 г. далай-лама смог неофициально побывать в столице Калмыкии Элисте, а власти России стремились, чтобы поездка прошла незамеченной за пределами этой республики.

Этнические сети

Этнические сети могут иметь различный формат: связи между российскими этнорегиональными сообществами, выступающими в роли центров этнической консолидации, и их зарубежными диаспорами или же, напротив, связи иностранных государств с опекаемыми ими меньшинствами в России.

Формирование крупных зарубежных диаспор произошло в результате кавказских войн XIX в., приведших к массовой эмиграции народов, оказывавших наиболее упорное сопротивление России. Кавказская война закончилась на землях адыгов, основная часть которых покинула Россию. Численность адыгских народов (кабардинцы, черкесы, адыгейцы, шапсуги, абазины, абхазы) в России составляет по переписи 2002 г. 758 тыс. чел. (0,5% населения России), а за рубежом оценивается в 3 и даже 5 млн чел. (в основном в Турции, также в Иордании, Сирии и др.). Адыги являются ведущим этносом Кабардино-Балкарии, вторым по численности этносом в Карачаево-Черкесии и Адыгее. Особенностью адыгов, разбросанных по множеству стран и российских республик, является создание общественных организаций — хасэ, которые взаимодействуют друг с другом. В столице Кабардино-Балкарии Нальчике с 1991 г. действует Международная черкесская ассоциация. В Турции существует Федерация черкесских хасэ. Есть Всемирное адыгское братство.

Политические интересы адыгов как группы давления в российской политике определяются прежде всего поддержкой родственной Абхазии и ее стремления к независимости. Несмотря на кавказскую войну, адыги достаточно лояльны к России и, например, испытывают двойственное отношение к Турции, проводящей жесткую ассимиляторскую политику и не признающую меньшинства. Тем не менее, со стороны зарубежной диаспоры отмечались радикальные антироссийские акции в Стамбуле и Нью-Йорке в 2007 г. против празднования 450-летия добровольного вхождения Черкесии в состав России, факт которого радикалы отрицают, и проведения олимпиады 2014 г. в Сочи (бывшие земли адыгов, которые считают их местом массовых захоронений).

Связи по линии диаспоры важны для чеченцев, хотя их диаспора невелика. В России чеченцев 1,36 млн (0,94% населения страны), в Турции их (по оценкам) около 100 тыс., в Иордании — 15 тыс. Стремление к автономии и независимости способствовало активному развитию этих связей. Лояльная центру чеченская власть и сейчас стремится проводить свою внешнюю политику. В структуре чеченского правительства существует департамент внешних связей президента ЧР, подчиненный непосредственно главе республики (до 2005 г. эти вопросы курировало министерство по национальной политике, информации и внешним связям).

Еще в двух важных случаях взаимодействие между региональными сообществами стало результатом распада СССР и появления так наз. разделенных народов. Таковыми на Кавказе являются осетины и лезгины. Осетины в России (их численность — 515 тыс., или 0,35% российского населения) составляют большинство в своей республике — Северной Осетии. По другую сторону Большого Кавказского хребта, обозначающего российско-грузинскую границу, находится Южная Осетия, являвшаяся в годы СССР автономной областью в составе Грузии и объявившая себя независимым государством. Интерес осетинского сообщества состоит в этнической консолидации с возможным созданием единого региона и, разумеется, в поддержке Южной Осетии со стороны России.

В положении разделенного народа оказались и лезгины (в России их 411 тыс. или 0,28% населения), которые, в отличие от осетин, не располагают собственными автономиями ни в России (четвертый по численности народ Дагестана), ни в Азербайджане (наиболее крупное меньшинство). Интерес лезгин к созданию собственной республики реализовать весьма сложно, и программа-минимум сводится хотя бы к возможности свободного перемещения через границу. При этом отмечается определенная напряженность в отношениях с азербайджанцами, которая проявляется и в Азербайджане (стремящемся подавить движение лезгин), и на юге Дагестана (ключевой город Южного Дагестана Дербент имеет смешанный этнический состав, в борьбе за власть и экономические ресурсы здесь участвуют лезгины и азербайджанцы).

Говоря о наиболее значимых этнических сетях, следует отметить, что соответствующие диаспоры и группы разделенных народов не пользуются влиянием и поддержкой в других государствах, которые не участвуют в их функционировании. Российские участники сетей лучше организованы, поскольку располагают властными позициями в своих республиках. Поэтому отношения строятся как по линии собственно этнических сообществ, так и при участии российских региональных властей.

Другой тип этнических сетей связывает влиятельные группы интересов и, возможно, власти иностранных государств с локальными сообществами соответствующих диаспор в России. Для таких сетей ключевым является вопрос соблюдения Россией прав национальных меньшинств и обеспечения им беспрепятственных связей с исторической родиной, своим национальным государством. На практике организация этих сетей становится эффективной только при наличии сплоченных локальных сообществ, которых очень мало.

Для отношений России и стран Евросоюза наиболее значимой является германская сеть. В России проживает почти 600 тыс. немцев. В 1990-е годы власти Германии уделяли большое внимание их судьбе. Но на практике про-

изошла репатриация основной части советских немцев в Германию, а идеи расселения и автономизации немцев на бывших этнических землях в Саратовской и Калининградской областях, откуда они были высланы во времена СССР, были заблокированы властями России в интересах местного русского большинства. Однако именно к немцам относится уникальное событие, когда два локальных сообщества в Сибири получили статус национальных районов (Немецкий национальный район в Алтайском крае и Азовский немецкий национальный район в Омской области).

Прочие подобные диаспоры расселены слишком дисперсно и/или малочисленны, чтобы их сети успешно развивались и играли значимую роль в международной политике (например, российские греки, финны и пр.). Совершенно особая ситуация складывается в отношениях российских евреев (которых осталось 230 тыс.) и Израиля. Многочисленные выходы из России стали значимым фактором во внутренней политике Израиля, располагая своими партиями, лидерами и т.п. В отношении российских турок Турция проводит достаточно пассивную политику, что привело к их эмиграции в США, больше озабоченные трагедией турок-месхетинцев, высланных при Сталине из Грузии и не допущенных туда после обретения Грузией независимости (месхетинцы вынужденно поселились в России в Краснодарском крае). На Дальнем Востоке важной темой политических дебатов стала китайская экспансия, объемы которой, однако, сильно преувеличены. Среди российских граждан китайцев всего 35 тыс., из которых самая крупная община сложилась в Москве (почти 13 тыс.) и лишь потом в двух наиболее крупных дальневосточных регионах — Приморском и Хабаровском краях (по 4 тыс.). С учетом притока на Дальний Восток и в Сибирь китайских граждан, многие из которых пересекают границу незаконно, по умеренным оценкам их число не может превышать 400-500 тыс. чел. Хотя со временем, конечно, фактор китайской диаспоры на российском Дальнем Востоке начнет играть реальную политическую роль.

По итогам распада наиболее крупными в России являются диаспоры народов из других стран бывшего СССР. Они очень редко располагают ареалами компактного проживания, но в то же время связи по их этническим сетям очень сильны и играют важную роль в интеграции СНГ. Третьим по численности народом России являются украинцы, которых почти три миллиона. Особенности миграций в Российской империи и СССР обусловили большую долю украинцев вдали от этнической родины, в регионах Крайнего Севера и Дальнего Востока. Белорусов в России более 800 тыс., но в силу более слабой этничности они довольно пассивны. Диаспоры Южного Кавказа не только велики, но и активны в экономике, составляя весомую часть российской бизнес-элиты и располагая значительным влиянием на политические круги в центре и некоторых регионах, вовлекая их таким образом в круг своих интересов и отчасти сглаживая межгосударственные конфликты. Например, в России проживает 1,1 млн армян (их доля велика в населении Краснодарского и Ставропольского краев), более 600 тыс. азербайджанцев (они официально признаны одним из коренных этносов российского Дагестана), около 200 тыс. грузин. Из народов Центральной Азии на территории России проживает более 650 тыс. казахов, составляющих существенную часть населения в приграничных регионах — Астраханской, Оренбургской областях, Республике

Алтай. В последние годы большое значение приобрел приток в Россию, особенно в Москву и прочие богатые регионы, гастарбайтеров из практически всех стран СНГ, которые сформировали на территории России свои сообщества. От них, например, в решающей степени стал зависеть ВВП таких бедных стран, как Молдова и Таджикистан.

Трансграничные контакты по линии диаспор во внешней политике России оказались скорее интегрирующим, нежели конфликтным фактором, способствуя, в частности, консолидации пространства СНГ. Позитивную роль играет и наличие в российском законодательстве института национально-культурной автономии, с помощью которой могут быть институционализированы локальные этнические сообщества и их объединения в рамках региона (региональные НКА) или страны в целом (федеральные НКА). В связи с созданием сотен НКА появилась и новая форма трансграничного взаимодействия между НКА в России и этническими организациями, а также властями соответствующих государств, способствующая интеграции.

В то же время взаимодействие по этническим сетям имеет определенный конфликтный потенциал в связи с возможной постановкой вопроса о правах российских меньшинств. Сейчас этот вопрос является второстепенным, поскольку меньшинства на территории России в значительной мере ассимилированы и не способны к сплочению с целью продвижения собственных этнических интересов, а страны СНГ не ставят подобный вопрос, не желая портить отношения с Россией. Хотя возможности для реализации гуманитарных интересов у российских меньшинств очень ограничены, а институт НКА развит очень слабо, не имея государственного финансирования и политических полномочий (НКА представляет собой особый тип общественной организации).

В связи с этим приведем два примера конфликтов, в которых участвовали заинтересованные группы российских меньшинств и родственных им государств. Один такой конфликт был связан с протестом против ликвидации бурятских автономий в Сибири – Усть-Ордынского Бурятского и Агинского Бурятского автономных округов, неразвитых этнических анклавов, которые были объединены (формально через референдум, т.е. ненасильственно) с окружающими регионами – Иркутской и Читинской областями соответственно. Объединение вызвало протесты со стороны не только бурятских активистов в Бурятии, но и в родственной Монголии [Дагбаев 2007].

Другой пример свидетельствует о наличии латентного конфликта в рамках финно-угорской сети (организованной с помощью Всемирного конгресса финно-угров). В 2005 г. Европарламент единогласно принял резолюцию о положении марийского народа, обвиняя Россию в нарушении его прав. Марийцы являются титульным этносом в Республике Марий Эл, где межнациональные отношения вполне стабильны. Однако ситуация была подогрета, с одной стороны, избием лидера национального движения В.Козлова, возглавляющего небольшое движение “Мер Канаш” и издающего свою газету, а с другой стороны, действиями правого крыла евродепутатов от Эстонии, Финляндии и Венгрии, т.е. стран, где финно-угры являются государствообразующими народами. Так или иначе, но ситуация с правами финно-угорских народов находится в центре внимания части политических кругов соответствующих государств. Кстати, в ответ российские власти взяли под контроль проведение оче-

редного Всемирного конгресса финно-угров, который состоялся в 2008 г. в Ханты-Мансийске при участии первых лиц России и других государств (в России, в Сыктывкаре в 1992 г. состоялся первый такой конгресс, которые затем стали проводиться каждые четыре года — в Будапеште, Хельсинки, Таллине).

КОРПОРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ

Корпорации играют большую роль в международных отношениях, выступая в качестве его новых и достаточно самостоятельных акторов со своими интересами. Можно предположить, что приток иностранных инвестиций, имеющих определенное географическое происхождение, создает основы для корпоративной модели регионального участия в глобальных процессах. Иностранная корпорация вносит свой вклад в развитие отношений между региональным сообществом и определенным государством, а также его регионами (в которых она базируется). Регионы, муниципалитеты, работники предприятий становятся заинтересованными в развитии отношений с определенными странами, где базируются инвесторы. Последние, со своей стороны, начинают уделять внимание регионам и их социальным интересам. Тем более в условиях российского этатизма государство само зачастую принуждает иностранный бизнес к более активной социальной, экологической и пр. политике на территориях.

Однако пока в России очень мало регионов с крупными иностранными инвесторами, чтобы корпоративная модель успешно развивалась. Раскол “центр — периферия” означает в этом случае, что получателями инвестиций становятся немногочисленные столичные и сырьевые регионы, которые и вовлекаются таким способом в глобальные связи. На Дальнем Востоке витриной успешного привлечения иностранных инвестиций российского масштаба стал Сахалин, где промышленная разработка нефти и газа с участием иностранного капитала после многих лет подготовки началась в прошлом году. В сахалинских проектах задействованы компании из США и Индии (проект “Сахалин-1”, *ExxonMobil* и *ONGC*), из Великобритании и Японии (проект “Сахалин-2”, *Shell*, *Mitsui*, *Mitsubishi*), в перспективном проекте “Сахалин-3” участвует китайская компания *CNPC*. На камчатский шельф предполагается привлечь корейскую компанию *KNOC*. В других сырьевых регионах роль иностранных инвесторов ниже. Еще один новый нефтяной регион — Ненецкий АО развивается при участии американского (*ConocoPhillips*), французского (*Total*) и норвежского (*Norsk Hydro*) бизнеса. Новый проект Штокмановского газового месторождения на шельфе Мурманской области будет реализован при участии тех же *Total* и *Norsk Hydro*. В старых сырьевых регионах доминирует российский бизнес. Но следует обратить внимание на приход на новые газовые месторождения Ямало-Ненецкого АО германских партнеров “Газпрома” — группы *BASF* и *EON* в связи с проектом *Nord Stream*. В ведущем нефтяном регионе России — Ханты-Мансийском АО важным инвестором является *Shell* (Салымский проект).

Еще одним крупным получателем иностранных инвестиций в самые последние годы стали столичные регионы в связи с развитием там автосборочных производств. Прежде всего, это Санкт-Петербург и соседняя Ленинградская область (завод *Ford*). В окружении Москвы мощный импульс получила Калужская область, где построены заводы *Volkswagen* и *Volvo*.

Таким образом, немногочисленные сырьевые и столичные регионы в настоящее время становятся субъектами корпоративной модели. Интересно, что речь идет о новых проектах, и иностранные корпорации участвуют в развитии периферий, для которых, учитывая их отсталость, интерес к иностранному бизнесу и зависимость от его активности приобретают огромное значение (примеры Сахалина, Ненецкого АО, Калуги).

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА: БРЕМЯ ВЫБОРА

В моделях регионального участия в глобальных процессах задействованы субъекты, относящиеся к разным (условно, **А** и **В**) государствам, имеющие разное происхождение и положение в иерархии территорий, такие как а) государства, выступающие значимыми посредниками или инициаторами трансграничных отношений, б) регионы в лице региональной власти, в) регионы в лице доминирующих региональных сообществ, г) меньшинства и локальные сообщества в рамках регионов (см. таблицу).

Таблица

Наиболее распространенные модели трансграничного взаимодействия

А В	Государство	Региональная власть	Региональное сообщество	Региональное меньшинство / локальное сообщество
Государство	+ А; СЦ	А	ПА	+ ПА
Региональная власть	А	+ А	+ ПА	ПА
Региональное сообщество	ПА	+ ПА	+ СГ	СГ
Региональное меньшинство / локальное сообщество	+ ПА	+ ПА	+ СГ	+ СГ

Примечания. Обозначения типов моделей: **А** – административная; **ПА** – полуадминистративная; **СГ** – сетевая (гражданская); **СЦ** – сверхцентрализованная. Знаком “+” обозначены наиболее распространенные в России модели.

Между всеми этими субъектами в разных конфигурациях возникают трансграничные связи. Активность этих связей зависит от множества параметров, прежде всего – наличия целенаправленной государственной политики (для государства в целом), заинтересованности региональной власти, активности самих сообществ, которая часто зависит от их гражданской культуры и действия негативных факторов, стимулирующих их борьбу за свои интересы.

В российских условиях пока доминируют административные модели взаимодействия. Одну из них назовем сверхцентрализованной, она имеет отношение к регионам. Речь идет о взаимодействии между государствами, которое учитывает интересы регионов и может включать проведение государственных мероприятий на их территории. Другая модель является децентрализованной, в ней субъектами выступают региональные власти различных стран (при возможном участии центральной власти). Эта модель реализуется в двух формах – приграничного сотрудничества (лучше организованного на

западных границах России) и региональной внешней политики (где ярким примером является Москва и отчасти — регионы, регулярно организующие крупные международные форумы). В силу централизации власти в России, но все же в условиях номинально федеративного государства децентрализованные модели развиваются, однако фрагментарно с точки зрения размаха регионального участия и зачастую формально в силу ограниченных полномочий региональной и тем более местной власти. В то же время развитие административных моделей очень важно для Калининградской области и Дальнего Востока, которые в силу географического положения имеют свои интересы и нуждаются в более активном участии в глобальных процессах, но для которых активизация сетевых моделей затруднена, поскольку не работает фактор этнического тяготения между их жителями и соседними странами.

“Полуадминистративные” модели связывают *государство*, — с одной стороны с *региональным* или *локальным* сообществом, обычно — этническим, — с другой. Их развитие в случае иностранных государств в России очень ограничено, Россия по понятным причинам не стремится их поддерживать, да и другие государства редко проводят целенаправленную политику (наиболее интересным примером были отношения Германии с немецкими общинами).

Сетевые (гражданские) модели формируются на основе прямых отношений между сообществами без или при минимальном посредничестве государства и/или региональных властей. Их развитие усилилось в России после распада СССР в связи с появлением новых государственных границ и снятием ограничений на выезд из страны. Из религиозных сетей наиболее развитыми являются исламские, из этнических для диаспор российских народов — адыгские и чеченские, для диаспор народов других национальных государств — азербайджанские, армянские, еврейские. Реально действующими являются также этнические сети разделенных народов — осетинские и лезгинские.

В условиях региональной неоднородности российская государственная политика постоянно оказывается перед проблемой выбора, нередко — конфликтного, между двух зол. России трудно учесть все интересы и избежать противоречий. Например, российские власти все чаще стали учитывать интересы меньшинств при проведении общенациональной политики, что вызывало конфликты и напряженность в отношениях с другими странами. Самым ярким примером стали отношения с Грузией. Поддержка ориентированных на Россию осетин и абхазов и их сепаратистских движений позволила избежать внутренних конфликтов с российскими осетинами и народами абхазо-адыгской группы, сгладила внутривнутрироссийские этнические размежевания и способствовала интеграции российского Северного Кавказа. Но побочным эффектом стал разрыв отношений с Грузией, первый и единственный случай выхода страны из СНГ¹.

Все более серьезной проблемой становится учет в российской политике исламского фактора, выбор между традиционным имперским панславизмом и частичной “исламизацией”. Индикатором второй тенденции стали неко-

¹ В менее конфликтной, но тоже типичной ситуации российские власти были вынуждены балансировать между интеграцией с Китаем и учетом интересов российских ламаистов. В этом случае Россия также пошла навстречу интересам своей группы (визит далай-ламы в 1992 и 2004 гг.), но старалась не придавать этому значения, чтобы не раздражать Китай, являющийся ее партнером по ШОС и одним из ее главных экономических контрагентов.

торые действия и публичные заявления В.Путина. Будучи президентом, он неоднократно упоминал, что Россия является исламской страной. Со своей стороны лояльный В.Путину глава Чечни Р.Кадыров называл его “другом ислама”. После долгих колебаний Россия все-таки стала наблюдателем в Организации Исламская конференция в 2005 г. (впервые о желании вступить в эту организацию В.Путин заявил во время визита в Малайзию в 2003 г.).

Однако движение российской политики в сторону от панславизма и панортодоксии только началось, и путь едва намечен. Россия продолжает активно использовать в своей внешней политике фактор православия. Российская православная церковь доминирует не только в России, но также Белоруссии, Украине, Молдове и ряде других стран, сохраняя сеть своих епархий, ставшую после распада СССР международной. Власть стала больше работать с русскими диаспорами, а бывшая первая леди Л.Путина взяла на вооружение тему русского языка, его защиты и продвижения в других странах. Наличие трансграничных этнических сетей нередко использовалось властями как фактор давления на другие государства (отсюда – негативные функции диаспор: “пятая колонна”, “заложники”).

Попытки российских властей действовать в логике гегемонистской стабильности во внутренней политике и делать ставку на более крупные сообщества в ущерб мелким приводят к усилению внутренней нестабильности, способствуют усилению этнорегиональных размежеваний. Активная поддержка центром Южной Осетии еще раз в отечественной истории артикулировала отношение к осетинам как к главной опоре России на Кавказе. Однако одним из самых острых в России является конфликт между осетинами и ингушами. Внимание центра к осетинам усиливает этническую фрустрацию ингушей, проживающих в одной из самых бедных и проблемных республик. Впрочем, при Д.Медведеве центр стал внимательнее относиться к Ингушетии, пытаясь найти баланс осетинских и ингушских интересов (Д.Медведев сменил непопулярного президента Ингушетии, побывал в республике и сделал ряд важных обещаний, с 2011 г. начинается реализация федеральной целевой программы по Ингушетии).

Негативный эффект способно вызвать и следование интересам крупных русских сообществ в ущерб интересам этнических меньшинств. Это продемонстрировала политика укрупнения субъектов федерации, результатом которой стала ликвидация ряда мелких и экономически слабых автономий. В случае бурятских автономий в Сибири центр добился тактического успеха, присоединив их к Иркутской и Читинской областям, несмотря на протесты части бурятской и монгольской общественности (обратным эффектом стало возрождение бурятского национализма, который неизбежно будет усиливаться, выступая за восстановление автономии). В случае Адыгеи, пытаясь объединить ее с окружающим Краснодарским краем, центр натолкнулся на более жесткое сопротивление, в т.ч. со стороны диаспоры, которая пригрозила организацией против России процесса по обвинению в геноциде кавказских народов в XIX в. Процесс объединения был отменен.

Региональная структура России и формирование системы трансграничных связей оказывают серьезное перспективное влияние на политический процесс в стране. На уровне региональной политики принципиально важным является сохранение институтов федерализма и национальных автономий,

уничтожение которых (за что выступают политики правого и националистического крыла) вызовет ответный рост этнического национализма и в ряде случаев — отрицательный международный эффект. В перспективе российским властям придется усиливать институт НКА.

Во внешней политике формируются три вектора, напрямую связанные с реализацией этнических и региональных интересов:

- Исламский вектор, значимый для российских мусульман, составляющих, по нашей оценке, около 10% российского населения² и большинство в нескольких регионах Северного Кавказа и Поволжья.

- Дальневосточный вектор и ускоренная интеграция России в АТР, что жизненно важно для примерно 5,4% населения (зона тяготения АТР включает Дальний Восток и Забайкалье, где проживают более 7,8 млн. чел.).

- Европейский вектор и интеграция с ЕС, что важно для Калининградской области (пусть даже там живет менее 1 млн чел. и только 0,66% российского населения) и более обширной зоны, географически тяготеющей к ЕС, куда можно также включить Петербург с Ленинградской областью, Карелию, Мурманскую, Архангельскую области, т.е. почти 11 млн чел. или 7,5% россиян.

Важность для многих российских регионов (столичных и окружающих столицы, северных, дальневосточных, в особенности — нового освоения) иностранных инвестиций, а также формирование на их основе корпоративной модели обуславливает потребность в сотрудничестве с Западной Европой, Японией и отчасти США. Об этом следует помнить и в те моменты, когда вектор российской внешней политики становится отчетливо антизападным.

Наконец, потребность в приграничном сотрудничестве является очень значимым фактором. Из 83 регионов России 37 имеют внешнюю сухопутную границу. По переписи 2002 г. в этих регионах проживает более 60 млн чел., или 41,7% населения страны. Логично предположить, что региональная структура огромного российского пространства благоприятствует развитию многовекторной внешней политики. Политики, которая может казаться слишком сложной и стремящейся объять необъятное (поскольку некоторые интересы почти несовместимы и требуют очень тонкого баланса), но является объективно необходимой России. Достижение баланса связано с идеологическим и институциональным выбором. Говоря о заинтересованных регионах, следует обратить внимание на феномен пограничного национализма и изоляционизма, являющегося следствием как советских практик, так и постсоветских фрустраций. На российской электоральной карте пограничные регионы отличаются повышенным голосованием за ЛДПР, партию, выступающую с националистических и изоляционистских позиций [Turovsky 2005: 143-165]. В самом успешном для нее 1993 г. на выборах в Госдуму ее результат по Сахалину был одним из наивысших по стране.

Таким образом, для приграничных региональных сообществ характерно внутреннее размежевание по линии “открытость — изоляционизм”. Об этом размежевании можно судить по результатам выборов. Так, выборы 2007 г., состоявшиеся в условиях электорального авторитаризма, не вполне показательны,

² Оценка, основанная на данных о численности этносов, исторически относящихся к мусульманам.

поскольку результаты всех партий кроме “Единой России” были невелики. Тем не менее, и по их результатам можно судить о наличии внутренней поляризации российского пограничья. С одной стороны, в этих регионах поддержка ЛДПР остается выше среднероссийской. Причем наилучшим образом эта поддержка выражена как раз на Дальнем Востоке, в регионах, которые, казалось бы, больше всего заинтересованы в интеграции в АТР, а не самоизоляции³. На западных границах результаты ЛДПР выше средних в Калининградской области, что также показательно. С другой стороны, при очень слабой в целом поддержке правых партий сравнение их результатов со среднероссийскими показывает, что многие приграничные регионы пусть немного, но тяготеют и к праволиберальной платформе. Одновременное совпадение националистической и либеральной электоральных тенденций по итогам выборов 2007 г. характеризовало Мурманскую, Калининградскую области на западных границах России, Приморский и Хабаровский края на Дальнем Востоке, т.е. регионы, которые в наибольшей степени вовлечены в интеграционные процессы.

На основании электоральных данных и изучения партийной системы можно заключить, что открытость еще не стала объединяющей идеей для приграничных регионов, в особенности для наиболее ярких примеров Дальнего Востока, Калининградской, Мурманской областей и др. Однако можно предположить, что изоляционизм совпадает с их фактическим неучастием в полноценной международной интеграции, неспособностью поддержать интеграционные процессы ни на уровне регионов, ни на уровне центрального правительства. Как показывает наш анализ, эта интеграция находится в зачаточном состоянии, ее выгоды неочевидны, а экономическое положение регионов способствует росту протестных настроений, включая национализм.

При этом открытость и международная интеграция пограничных регионов все-таки представляются наиболее желаемым процессом (впрочем, если в России будет установлен более жесткий изоляционистский режим, то в существующих условиях он найдет поддержку многих региональных сообществ, которые при взгляде на карту кажутся заинтересованными в обратном). Дело в том, что для многих из рассмотренных в статье региональных и локальных сообществ характерны не столько изоляционизм, сколько отчуждение от центра, и изоляционизм является результатом фрустрации. Крайне чувствительными к геополитическим изменениям являются этнические сети, особенно на Кавказе. Например, лезгинское сообщество, пострадавшее от распада СССР, отличается ностальгией по советскому прошлому и повышенной поддержкой коммунистической оппозиции. Повышенная популярность коммунистов характерна и для осетин.

Исследуя географию электоральных предпочтений российских регионов, потенциально заинтересованных в участии в международных отношениях, можно обнаружить значительные отличия от среднероссийского уровня, как в одну, так и в другую сторону. Кавказские регионы в 2000-е годы избрали модель сверхлояльности, полностью поддерживая “Единую Россию”, но делая это в рас-

³ На думских выборах 2007 г. первые четыре наиболее благоприятных для ЛДПР региона входили в зону АТР – Магаданская, Читинская области, Приморский и Хабаровский края. На Сахалине на предпоследних региональных выборах первое место занял блок “Наша родина – Сахалин и Курилы”, поднимавший тему защиты Курильских островов от Японии.

чете на поддержку их интересов (конечно, в этих регионах следует учитывать и возможности фальсификации). Русские пограничные территории, напротив, демонстрируют повышенную оппозиционность, что является индикатором недовольства политикой центра (оппозиционность проявляется в разных формах — коммунистического, националистического, либерального голосования)⁴. Преодолеть это отчуждение центр может не просто закачивая в них деньги (что происходит по линии тех же ФЦП), но удовлетворяя их интерес к международной интеграции, пусть пока неустойчивый и слабый (думается, что изоляционистский сценарий со временем будет вызывать все больше протестов). Во всех подобных случаях, если говорить на языке процентных показателей, речь идет о малых и даже микроскопических заинтересованных региональных группах. Однако федерализация СССР и затем России способствовала структурированию их политических интересов, их оформлению в региональные интересы, с чем нельзя не считаться (о чем свидетельствует и неудачный опыт объединения субъектов федерации с ликвидацией мелких этнических регионов).

Анализ дальнейших политических процессов в этих регионах можно проводить в континууме “центр — регион — внешний мир”. Позиционирование региона и его движение в сторону открытости или изоляционизма находится в зависимости от ситуации и в центре, и во внешнем мире. Позиция центра определяется поддержкой этих регионов или игнорированием их интересов. Позиция окружающего мира — сотрудничеством или выдвиганием территориальных и прочих претензий.

В заключение надо отметить, что размежевание между федеральным центром и перифериями, стремящимися играть свои роли в глобальных процессах, в России не следует изучать только в соответствии с концептом сепаратизма. Подавляющее большинство периферий сохраняет интерес к России и нахождению в ее составе по причинам экономическим, наличия разветвленных внутророссийских сетевых объединений и др. Учет всего многообразия региональных интересов как в региональной, так и в глобальной политике, в условиях политической эмансипации субъектов федерации становится залогом стабильности политического развития России. И если даже внешняя политика останется монополией центра, отсутствие необходимого структурного баланса в этой политике будет усиливать риски конфликтов и углубления размежеваний.

Географические границы. 1982. М.

Дагбаев Э.Д. 2007. Стратегии политических акторов в процессе укрупнения регионов. — *Регионалистика и этнополитология.* М.

Туровский Р.Ф. 2006. *Центр и регионы: проблемы политических отношений.* М.

Turovsky R. 2005. Regional Aspects of National Elections in Russia. — *The 1999-2000 National Elections in Russia. Analyses, Documents and Data.* Gel'man V., Golosov G., Meleshkina E. (eds.). Berlin.

⁴ По нашим расчетам евклидова расстояния между регионами и средним по России результатом, наибольшие электоральные отклонения отличают республики Северного Кавказа, что объясняется высокими результатами ЕР. Наоборот, в связи с голосованием за оппозиционные партии и дистанцированием от ЕР заметные отклонения были отмечены в Приморском крае — ключевом регионе Дальнего Востока.

